

ДВА РАССКАЗА

ОТ ЗАРИ ДО ЗЕРО

1

Он встретил свою Смерть, когда ему не было и двадцати шести.

Она была красива какой-то вызывающей, холодной красотой, с глазами-озёрами, точёным носиком и очаровательно оттопыренной попкой.

Ему говорили:

«Она — твоя смерть».

Он не верил.

Твердили:

«Ты у неё не один».

Не допускал даже мысли об этом.

Они бродили по Красношкольной Набережной, он читал ей стихи...

Она недоуменно слушала его и думала, что хорошо бы записаться на холодильник «Днепр» в магазине на Тракторном... Или что у её подружки, Инки Кась-яшки, свадьба была в заводской столовке, а лучше бы, конечно, в ресторане. Или хотя бы в приличном кафе, где гостям не пришлось бы гоняться за куском колбасы и спотыкаться об алюминиевые стулья...

Он провожал её до дома № 26, что по улице Танкопия, где жила она с матерью, бабушкой и сестрой. Они заходили в подъезд, поднимались на третий этаж по выщербленным бетонным ступеням. Перед тем как она успевала нажать на кнопку звонка, он умудрялся поцеловать её — упоённо, задыхаясь от ощущения собственной силы. А когда двери за ней захлопывались, он сбегал, едва касаясь ногами ступенек, вниз.

А однажды он встретил её с другим.

От неожиданности он кивнул ей и хотел даже что-то сказать.

Сердце внезапно подпрыгнуло. И вытолкнуло вверх, к горлу, удушающий горячий ком.

И он вдруг понял, что такое случится ещё не раз, и она для него — смерть. Придя домой, стал искать спиртное. Ни вина, ни водки в доме не оказалось. Он выпил стакан рижского бальзама, который отец приберегал для гостей, и только после этого объявил родителям, что собирается жениться.

2

...Являлась ли всесоюзная лотерея ДОСААФ азартной игрой — на фоне напёрстков, железки и грузинской свадьбы, в которую облапошивали доверчивых лохов харьковские шулера в пригородных электричках?

Бывший зубной техник Сёма Кошер, обувающий лохов в очко на Южном вокзале, напоролся на гастролёров и влетел на три штуки деревянных. Дело было в семидесятых.

В проигрыше Сёма винил себя.

Около шести вечера зацепил он в очереди у билетных касс трёх лохов в кирзовых сапогах. И как он сразу не просёк, что пальцы у лохов — холёные и ухоженные, как у шулеров или щипачей?!

Играть согласился только один лох. Сёма начал, как обычно — «с рубчика». Дал штымпу в кирзе пару раз выиграть и минут за пятнадцать раскрутил его, к своему изумлению, на целых три штуки. Бабки у штымпа ещё были и тот пошёл ва-банк. Кошер, естественно, сдал под «банкирское очко». Оставалось дать штымпу слово, раскрыть карты и свинтить с него ещё три штуки деревянных.

И тут лох, не заглядывая в карты, объявил очко втёмную.

Семён, скумекавший, что имеет дело с куклачём, возразил, что, мол, очка втёмную не бывает, и поинтересовался, на всякий случай, что бы это значило.

Штымп ответил, что «очко втёмную» бьёт «банкирское очко», и открыл свою карту.

На руках у штымпа была десятка пик, дама червей и восьмёрка бубён, которыми его только что снабдил незадачливый Сёма.

Кошер попробовал было залупнуться, но на него попёрли кореша штымпа, играть отказавшиеся, но за ходом матча наблюдавшие. Они объяснили одинокому Сёме, что, при любом раскладе, если у объявившего «очко втёмную» на руках действительно очко, выигрывает темнящий. И сдёргивает, в таком разе, не только свою ставку, но и ставку банкующего. То есть банкующий проигрывает в два раза больше той суммы, которую ставил на кон.

Семён понимал, что шутить с ним не собираются, и без базара отдал шесть штук.

На кармане у Сёмы ещё что-то оставалось, и он пошкандыбал в ресторан «Люкс», чтобы в спокойной обстановке, под два пузыря «Столичной», обдумать, как работать дальше.

Когда вся водка была выжрата (а выжрата она была в течение сорока минут), Кошеру резко захотелось баиньки. Бывший зубной техник потребовал у официантки Манюни ещё пузырь, а оркестру велел сыграть «Радионяню».

3

Оркестром в «Люксе» заправлял король харьковского джаза, трубач Рафаил Натанович Пинский, без труда берущий «соль» третьей октавы.

Пару лет назад, когда Рафиком, впервые в истории Харькова, был исполнен «Караван» Д. Эллингтона — с фирменной импровизацией, в мрачных тонах, вся музыкальная общественность Харькова только и делала, что говорила об этом. И случилось в ресторанном тресте чудо: Рафик был назначен руководителем оркестра.

Хотя обычно наоборот: за малейшую импровизацию (не говоря уже о мрачных тонах) руководящие работники выскакивали из кресел, как блохи из собачьих подмышек.

Мало того — сын еврейского парикмахера был рекомендован (как муж русской жены) в КПСС.

Через два года Пинский вовсю поддерживал почины, выступал на собраниях и собирал партвзносы.

За «Радионяню» Рафик загадал Семёну тройку.

Сёма имел на этот счёт особое мнение. Он считал, что не должен оркестру вообще ни копя, ибо вчера, буквально ни за что, выкатил лабухам полсотни.

Рафик принципами не поступался и нашару играть не собирался.

Баиньки Сёме от такого расклада сразу расхотелось.

«Ты что, курва, совсем нюх потерял? — удивлённо осведомился он у Рафика. — Я ж вам, суки, вчера полтинник оставил. Сделай «Няню» по-хорошему, а то пожалеешь, бя буду!»

Коренастый Рафик похлопал каталу по плечу и, нахально усмехаясь, успокоил: «За бабки, Сёма, не переживай. Как пришло, так и ушло!»
«Радионяню» в тот вечер Семёну так и не сыграли.

4

...На следующий день Сёма развёл, на кругу восьмого троллейбуса, одного лоха из Промкооперации, после чего снова оказался в «Люксе» — один на один с двумя пузырями и цыплагом. К оркестру Кошер из принципа не подходил.

Примерно через час, когда оба пузыря были пусты, Семён почувствовал, что собственный его пузырь наполнен «по самое не могу».

Укушанный зубной техник встал из-за стола и, пробормотав загадочное «Коммунизм есть Советская власть плюс уренизация всей страны!», нетвёрдой походкой направился к эстраде. Рядом с эстрадой из-за бордовой плюшевой портьеры виднелась массивная белая дверь. Со дня основания «Люкса» вела она на кухню и, с того же дня, была заколочена гвоздями.

Туалет располагался в противоположной части ресторана.

Сёма отодвинул портьеру и дёрнул дверь на себя. Дверь не поддавалась. Странное дело — подумал Сёма и попробовал её толкнуть. Глухо, как в танке.

Занято — сообразил картёжник, слывающий среди коллег гигантом комбинаторного мышления. Семён вернулся за столик и начал терпеливо ждать. Шторка не шевелилась. Прошло две минуты, прошло пятнадцать. Никто не выходил. Сёма подошёл к двери и постучал. Никакой реакции.

Гигант комбинаторного мышления упёрся изо всех сил в дверь плечом.

Дверь была неумолима, как не подмазанная секретарша нарсуда.

Сёма понял, что ему уже всё равно.

Он прислонился к двери и расстегнул джинсы...

Импровизация трубы на тему «О ван ду сей» оборвалась на полуфразе.

Рафик как ужаленный сорвался со сцены и бросился, со своей дудкой, к заблудшему. Подхватив гиганта мысли под руку, он отвёл его в другой конец зала.

Выйдя из туалета, Семён буркнул играющему Рафику «мерси», но тот, очевидно, не расслышал.

Размякший Семён отложил в задний карман неприкосновенный запас — полста хрустов, чтобы рассчитаться с официанткой, — и начал пулять оркестру бабки...

...Когда семипудовая Манюня принесла счёт, выяснилось, что назначенного полтинника Сёме не хватает. И что гигант комбинаторного мышления должен официантке ещё восемнадцать рублей. Клиент собрал остатки сознания в железный кулак, попросил меню и пересчитал, вместе с Манюней, свой заказ.

Получилось, как часто бывает в подобных случаях, — Манюня элементарно ошиблась. И что с его полтинника ему положена ещё пятёрка сдачи. И это с учётом того, что Сёма кидает два хруста сверху за культурное обслуживание.

Манюня швырнула Семёну сдачу и, закусив дрожащую губу, побежала к производству Петру Ивановичу, которому ежедневно отстёгивала половину навару.

5

Петр Иванович Шершуков, регулярно собиравший мзду с поваров, официантов и музыкантов, был рано поседевшим молодым человеком с вытянутым, мышинным рыльцем и писклявым голосом.

Уроженец села Близнюки, окончил он, в 67-м, воронежское кулинарное училище №2.

И забрали Петрушу, через полгода, в ряды непобедимой и легендарной. И служил Петя, в соответствии с приобретенной специальностью, кашеваром в Богодуховском танковом училище. И обучился он варить солдатские щи, практически без капусты, и постные кулеши из заплесневелой крупы.

А в 68-м очутился наш Петруша со своей походной кухней в Чехословакии, и довелось ему стряпать свои щи в предместьях Праги.

Жили в танках, в лесу. Боялись каждого куста, каждого дерева. По нужде далеко не ходили — приседали тут же, у танка (лишь только руку протяни — всё тут). Воду пили из ручья. Там, в лесу, и подхватил, видать, Петя желтуху, после чего оказался в лазарете, в тихом украинском городке Чернигове, где закорешевал с Жоркой Скиданом, будущим инструктором Харьковского обкома.

Из армии ефрейтор Шершуков вернулся партийным и был зачислен на работу в ресторан «Люкс». Вскоре кашевар Петруша стал парторгом куста.

6

Войдя в Петрушин кабинет, украшенный кумачовыми вымпелами и переходящим красным знаменем, Манюня сходу покатила бочку на оркестр.

Она-де мотается как угорелая, пробегая с подносом по десять километров за смену, а эти вонючие клезмеры, не отрывая жоп от стульев, распатронивают клиента так, что бедные официанты уже и на копейку ошибиться не могут.

Ну скажите им, наконец, Пётр Иванович, скажите! — причитала Манюня, роняя слёзы на лавсановый Петин пиджак с орденскими планками.

...Оркестранты складывали инструменты.

Рафик протирал дудку и прислушивался, как змееголовый барабанщик Джозя нашептывает что-то саксофонисту Геше. Музыкальное ухо джазмена уловило: «...Раф набарывает на парнус, сегодня снова заныкал колов пятнадцать, как минимум...».

Неплохой, в принципе, барабанщик, подумал Рафаил, но слишком уж скулёжный. До того скулёжный, что придётся с ним расстаться. И буквально очень скоро — как только вернётся из Москвы Костя-Лишай, которого Силантьев, говорят, выхлял за кир из оркестра Гостелерадио.

Петр Иванович запер кабинет, вышел в зал и, низко опустив голову, направился к сцене. Подойдя к Рафику, он провёл пухлой ладонью по вспотевшему лбу и, глядя куда-то в сторону, промычал: «Рафаил Натанович, ты меня это... конечно, извини, но дальше так продолжаться не может».

Потом подумал и добавил: «Я хочу поговорить с тобой как коммунист с коммунистом»...

7

А сейчас вернёмся к наболевшему вопросу: «Чем всё же рисковал в застойные годы харьковский обыватель, приобретая пятидесяतिकопеечный лотерейный билет?!»

И тут — ещё одна история.

Анатолий Валентинович Мальцев работал проектировщиком, имел первый разряд по толканию ядра и был женат на учительнице младших классов. Зарабатывал

он, ясное дело, копейки. Но человеком был серьёзным, на музинструментах не играл, в карты тоже. Да что там карты! Даже в лотерею не играл Анатолий Валентинович.

И вот однажды, в обед, в институтской столовке, похвастался Анатолий (вот, мол, какой я находчивый!) перед коллегами — Славиком Поливановым и Витей Юркевичем — из техотдела:

«Представляете, мальчики, звонит мне вчера на работу, где-то в одиннадцать, Стелла из сметного и говорит. Она дома, оформила больничный, её лопух свалил в командировку, и чтобы я срочно приезжал. Я бросаю всё, беру отгул на полдня, и на такси к ней.

Всё в ажуре, прихожу от Стеллы домой как положено, где-то в шесть, — будто с работы».

«Интересно, — думал Юркевич, перепихнувшийся с той же Стеллой неделю назад, — а знает ли об этих вышиваниях её лопух?»

«И тут, — продолжает Мальцев, — моя благоверная начинает допытываться, где это я пропал».

Я говорю — целый день на работе.

Она говорит — неправда. Я звонила в полтретьего, мне ваш Деревяшкин сказал, что тебя нет.

Правильно, говорю. Я на второй этаж, в библиотеку, поднимался. Каталоги просматривал.

А ещё, — говорит мне жена, — он сказал, что ты оформил отгул, оделся и ушёл.

Ерунда, говорю, полная. Никуда я не уходил. И вообще кто из нас, по-твоему, лучше знает, где я был: он или я?

А она говорит, я не знаю, кто из вас лучше знает, где ты был, только ещё он сказал, что слышал, как ты по телефону договаривался. И что поехал ты на такси домой к этой... как там её... Гончаровой... Стелле. Знаешь такую?!

Вздор, говорю, Деревяшкин давно уже головой повредился. Ни к какой твоей Гончаровой я не ездил. Я в технической библиотеке сидел, документацию изучал, чтоб мне с этого места не сойти.

А она: а как ты мне это докажешь?

И тут я ей отвечаю: а никак!»

8

Так вот, уважаемый читатель, повторяю вопрос: «Чем рисковал харьковский обыватель, покупая пятидесятикопеечный лотерейный билет?»

А ничем!

Ничем не рисковал простой советский труженик, приобретая досаафовскую лотерейку.

А если и рисковал, то всего лишь жалкими своими пятьюдесятью копейками.

То есть: ни убогий свой скарб, в котором главным достоянием считался приобретенный в кредит телевизор, ни льготную путёвку в занюханый санаторий, ни никчёмную свою жизнь не ставил на кон харьковский обыватель, покупая лотерейный билет Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту.

И тем не менее — Толик Мальцев лотерею ДОСААФ игнорировал и покупать навязываемые в получку билеты отказывался.

«Я не играю в азартные игры с государством», — ехидно заявлял он распространителям.

Стеллин муж, Саша Гончаров, работал в том же отделе, что и Мальцев. Сашу называли поэтом-пушкарём.

Пушкарёв — не от «Пушкин», а потому, что стихи на заданную тему вылетали из-под его пера, как из пушки. Саша был редактором институтской стенгазеты.

Он знал наизусть «Женщину и море» Евтушенко и без особого труда составлял стихотворные поздравления, в которых рифмовал розы с морозами. Понимающие в литературе считали его рифмоплётом.

В отличие от Мальцева, поэт-пушкарёв безропотно покупал все навязываемые лотерейки.

При этом демонстрировал, что никаких надежд на выигрыш он не питает. А чтоб никто не сомневался, Гончаров свои билеты тут же рвал и выбрасывал.

Обращала на себя внимание странная особенность. Перед тем, как порвать лотерейку, Саша аккуратно переписывал в блокнот её серию и номер.

Отдел недоумевал: зачем?

Возможно, рисовался?

Хотел выглядеть эксцентричным?

Ну, порвал, выбросил — и забыл! Это ещё можно понять. Но записывать номера?..

Чтобы потом, в случае выигрыша, кусать себе локти?

Бросаться с моста? Стреляться? Вешаться?

Ну да ладно. Что там думать? Одним словом — поэт...

Когда на выброшенный Сашей билет выпал выигрыш в виде автомобиля ГАЗ-24, он взял отгул на полдня, пришёл домой, взял трёхлитровый эмалированный бидончик и отправился в пивбар «Ветерок», что напротив кинотеатра «Москва». Было ещё рано, на «Ветерке» висел замок. Тогда он сел на трамвай седьмого маршрута и поехал на Москалёвку, до остановки «Кривомазовская», где находился один безымянный пивбар.

Отоварившись, Саша вернулся домой, включил телевизор — как раз передавали футбол, харьковский «Металлист» играл с луганской «Зарёй» (в записи), — и под бидончик слегка подкисшего, разбавленного пива скушал две упаковки димедрола, которым тёща лечилась от хронического насморка. Когда Стелла вернулась с работы, всё уже было кончено...

На его похоронах толкал речь Лазарь Львович Лошак.

Он говорил о Саше как об отличном специалисте. Отличном семьянине. Отличном товарище. Настоящем поэте.

Ибо только настоящий поэт, проникновенно говорил Лазарь Львович, мог банальнейшую досафовскую лотерею превратить в русскую рулетку. Только поэт мог, с замиранием сердца, рвать в клочки пятидесятикопеечный билет, зная, что сделает с собой в случае невысказанной удачи...

На Сашиной вдове женился Сёма Кошер. Они познакомились в «Люксе». Сёма зашёл туда как обычно — отужинать. Стелла же — в тот вечер отмечала, в тесной компании сотрудников, своё сорокалетие.

Мальцев, Поливанов и Юркевич на том банкете укушались, что называется, в драбадан. Мальцев заехал в морду то ли Поливанову, то ли Юркевичу. Впрочем, сам Мальцев пострадал не меньше и был доставлен во Вторую совбольницу с челюстно-лицевой травмой.

Зубной техник боготворил Стеллу, как и Саша. Только ради неё бросил он играть и дожил до глубокой старости, тягая пальто и шубы в Харьковском оперном театре, куда ему, по великому благу, удалось устроиться гардеробщиком.

ЧАПАЙ И КОНИ

Настоящий политик — это персона, способная заставить колесо истории работать на благо её народа. В какую бы сторону это колесо ни крутилось.

Видя ликующие улыбки только что избранных президентов, я всегда задаю себе вопрос: а понимают ли новоиспеченные кормчие, чего ждёт от них паства?..

Харьков, начало восьмидесятых.

Наши в Афганистане.

Мы бомбим свадьбы в кишке.

Мы — это ансамбль «Рубин», в составе:

Олег Белов — ритм-гитара, вокал;

Вовка Мушник — бас-гитара;

Андрюша Чуйко — клавишные;

Саня Тыщенко — ударные;

я — саксофон, кларнет.

Кишкой — за длиннющий её зал — зовём мы столовку №6, расположенную на пересечении проспекта Ленина и улицы Тобольской.

...Преддверие Дня Победы, только что отгремел Первомай. Цветут липы, яблони. Всё нарядней становятся харьковские кладбища. Вдоль центральных аллей вырастают новые памятники. На гранитных стелах с фотографической точностью запечатлеваются образы павших воинов-интернационалистов.

Судя по газетам, мы помогаем афганским братьям-коммунистам.

По предприятиям ходят лекторы общества «Знание». Они разъясняют то, чего ни в одной газете не найдёшь. Оказывается, алгоритм, которым руководствовались наше Политбюро, вводя войска, был прост:

1. Либо в Афганистан входим мы;

2. Либо за нас это делает Дядюшка Сэм. И сосредотачивает под южным подбрюшьем СССР свои военные базы.

И всё это — на фоне нарастающей мощи Харьковского бюро добрых услуг. Бюро специализировалось на обслуживании свадеб.

Оба бюро придерживались тактики сдерживания. Политбюро сдерживало империалистов. Бюро добрых услуг — музыкантов.

Если прежде (до Бюро) заказчики платили непосредственно музыкантам, то теперь между заказчиками и музыкантами возник всеотъемлющий посредник.

Щупальца «услужливого» Бюро цепко впились в свадебные котлеты. Полчища контролёров были насланы на точки общественного питания. Играть на семейных торжествах дозволялось только оркестрам Бюро.

Пядь за пядью отвоёвывало Бюро боевые точки, в которых окопались «дикие» оркестры.

По отношению к побеждённым Победитель проявлял чудеса гуманизма. Завоевав точку, он не уничтожал лабухов физически. Он ставил их под свои знамёна, зачисляя в штат Бюро.

Вскоре с «дикими» оркестрами в Харькове было покончено. О чём рапортовано в Киев.

Бюро получало с клиента по полной программе, а взамен предоставляло побеждённый оркестр, которому платило гроши. И не давало ни инструментов, ни усилительной аппаратуры. Вся оснастка (а стоила она немалых денег) побеждённые музыканты покупали за свои. Музицирование на свадьбах становилось дорогим хобби. Как коллекционирование картин или игра на скачках (Бюро было игриво наречено лошадиным именем «Веснянка»).

Но — существовал нюанс, дающий нам шанс отбить свои бабки.

Бюро снесла идеология. Каждый ансамбль представлял на утверждение Репертуарный перечень. Это был список произведений, «разрешённых к исполнению».

В Перечне должны были присутствовать только идейно выдержанные произведения. И только проверенных авторов. Членов Союза композиторов СССР. Членов Союза писателей СССР.

Единственным исключением являлся немец Якоб Мендельсон — с его торжественным (свадебным) маршем, — ни в одном из вышеперечисленных союзов, по многим причинам, не состоявший.

Не охваченные членством леваки типа Юрия Антонова и Игоря Николаева отдыхали. Была запрещена музыка Кутуньо, Мориа, Дасена. Не рекомендованы к исполнению утёсовские шлягеры, тюремный шансон, цыганщина. Существовал запрет на песни с одесско-еврейским уклоном — как на способствующие разжиганию сионистских настроений. Нельзя было играть «Семь-сорок», «Ах, Одесса» и даже «Шаланды, полные кефали» из кинофильма «Два бойца»...

Всё это запрещалось из-за угла — Харьковским обкомом КПУ.

Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза и её Ленинский Центральный Комитет!

В Репертуарный перечень мы включали только идейно выдержанные песни. Например, «Смело, товарищи, в ногу» и «Враги сожгли родную хату».

Большинство клиентов об этом знало. И, чтобы не иметь головной боли, рассчитывалось с нами «помимо кассы».

Всего за полсотни «сверх счётчика» (а для нас это — по червонцу на рыло) клиент получал танцы до упаду.

В противном случае приходилось воевать.

Сражение начиналось мирно. Со стороны можно было подумать, что нам дали бабки. Мы играли весело, без пауз, выполняя любые заявки танцующих. Наглядно демонстрируя, как много значит на свадьбе хороший оркестр. Если через полчаса хозяева не раскошеливались, мы вбивали в столовскую стену гвоздь войны. И вывешивали на него наш «Перечень».

Далее всё исполнялось в полном соответствии с репертуаром. После нескольких хитов типа «Наш паровоз, вперёд лети!» или «Вы жертвою пали в борьбе роковой» появлялись парламентарии противника: «Что случилось, хлопцы? Давайте «Ах, мама, люблю цыгана Яна» и «Ты одессит, Мишка!»

Мы отправляли их к «Перечню». Ни цыгана Яна, ни одессита Мишки в «Перечне» не было. А остановка в коммуне и жертвы в борьбе были.

В самом низу документа красовалась заверенная печатью подпись директора «Веснянки» В. Лобасова.

Заплативший «Веснянке» клиент осознавал ошибочность тезиса «Кто платит, тот и заказывает музыку». И начинал понимать: кто платит — музыку не заказывает. А чтобы заказать, нужно забашлять ещё раз.

Обычно это вызывало смятение в стане противника. Враг в панике бежал за деньгами.

Но бывали и поражения.

...На той свадьбе наш Андрюша Чуйко часто вздыхал и с грустью разглядывал клавиши своей «Вирмоны». И не потому, что нас даже не пригласили к столу. И — что две залетевшие от него тёлки (одна из Белгорода, а другая вообще из Семипалатинска!) требовали с Андрюши бабульки на аборт с уколом. И даже не потому, что Чуйко осточертели кретинские шуточки барабанщика Сани: «Приходите, гомо-секи, — Чуйком побалуемся!»

Неделю назад сержанта запаса Чуйко вызвали в военкомат. Поинтересовались, не женился ли, и — живы ли отец с матерью. Отрапортовал: всё в порядке. Слава богу, живы. Слава богу, не женился.

Записали телефон, размер х/б и фуражки. Срочную Андрюша отслужил шесть лет назад, под Чугуевом. За шесть лет на гражданке успел поправиться на два размера. Военная специальность — танкист.

У Андрея отобрали паспорт (сказали, что на неделю) и погнали в актовЫй зал — слушать лекцию о международном положении. Затем вручили розоватую брошюру, дали расписаться в какой-то бумаженции и велели ждать повторного вызова.

В трамвае Андрей раскрыл брошюрку. На титульном листке было начертано: «БРАТСКАЯ ПОМОЩЬ НАРОДУ АФГАНИСТАНА — СВЯЩЕННЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОЛГ КАЖДОГО СОВЕТСКОГО ВОИНА».

Так что строительство у Андрюши — из рук вон плохое.

...Бабок хозяйева не приносили.

Командовала мама жениха, широкобёдрая гусыня в пёстром платье.

Мы пошли по наработанной схеме и славно отлабали первые полчаса. Разгорячённые гости вернулись за стол.

Нести бабки хозяйка и не думала.

«Скоро восемь, а парнуса нету...», — пропел себе под нос остроумный барабанщик Санёк, констатируя факт отсутствия блюдечка с голубой каёмочкой.

Кормёжки, судя по ускользящим взглядам гусыни, тоже не предвиделось.

Мы скинулись по два кола и бросили на пальцах. Бежать в гастроном выпало мне. Я взял футляр от аккордеона, служивший нам продовольственной сумкой, и пустился в путь...

Ветер играл шевелюрой тополей, мимо прошмыгивали троллейбусы, шелестя шершавыми шинами.

В душном гастрономе с прогрессивным названием «Спутник» я добросовестно отстоял в четырёх очередях. В результате на дно аккордеонного футляра легли:

три бутылки «плодово-выгодного»,
банка салата «Закусочный-Южный»,
одна тысяча сто граммов любительской колбасы,
две пачки сибирских пельменей,
десяток сырых яиц,
пять плавленых сырков,
две сырые луковицы.

Из гастронома я вернулся через час.

Столовский зал опустел. Несколько человек сидели на подоконниках в предбаннике. Ещё несколько — изучали служебную стенгазету «За здоровое питание». Мрачные новобрачные укладывали подарки в фанерный ларец, напоминающий носилки богдыхана.

У раздаточного окошка наш руководитель Олег Белов выяснял отношения с хозяйкой.

«Как же вам не стыдно?! — услышал я грудной голос гусыни. — Я буду жаловаться Лобасову! Уже целый час, как груши околачиваете! Я вам не какая-нибудь обывательница! У меня шурин в наробразе!»

«Мы не имеем права выступать неполным составом, а саксофониста я откомандировал за едой», — с достоинством ответил Олег.

«За какой ещё едой?» — недовольно прошипела гусыня, почухивая подмышку наманикюренной лапой.

«Во всём должен быть порядок, — укоризненно сказал Олег. — Я должен накормить народ».

Народ (то есть, мы) гуськом проследовал на кухню. Гусыня стояла как оплёванная. Bravo, шеф! — подумал я. — Навести порядок и накормить народ всегда являлось священной обязанностью советского руководства!

Санёк налил в кастрюльку кипяток, поставил на огонь и забросил пельмешки. Я жарил омлет. Андрюша увивался вокруг задастой поварихи Зои. Он хотел от неё отбивных, томившихся в жарочном шкафу. Вскоре мы вышли в зал — с тарелками, полными закусона. Зал был по-прежнему пуст.

...Сочные пельмешки услаждали душу, омлет и отбивные вторили им. Ели мы минут двадцать пять. Гневные взгляды гусыни симфонию не нарушали.

«Наша харьковская прима лучше Византа и Кима!» — выдал дежурную остроту Санёк и вынул из кармана пачку «Примы». Мы закурили.

Один Володя ещё не отвалился от стола. Он обрабатывал косточку, оставшуюся от отбивной. Володя шлифовал её зубами так, будто собирался отправить на выставку народных достижений.

Подошёл жених: «Ребята, сколько можно перекуривать? Я скоро помру со скуки!»

«Ничего, не помрёшь, — проворчал Володя. — Ты что, не видишь, что я закусываю?» И мрачно добавил: «За свой счёт».

Посрамлённый жених заткнулся и пошёл прочь.

Володя отшлифовал кость до лунного блеска и задумчиво установил на подоконник. Перерыв закончился.

Мы вышли на эстраду и, для начала, врезали им «Семь-сорок». Это произвело эффект магнита для рассыпанного металлического хлама.

Из-под лестниц, из туалетов и коридоров, из тёмных закутков и кухонных недр повыскакивали люди. В мгновение ока танцплощадка была облеплена дружно скачущими гостями, тяжело подбрасывающими ноги и упирающимися большими пальцами рук себе в подмышки.

Публика дружно раструживала жиры. Стучали каблочки, мерно подрагивал пол. Сошедшие с дистанции обмахивались салфетками.

Последний аккорд прогремел прощальным салютом.

Мы приступили к похоронам свадьбы и заиграли «Вы жертвою пали».

Разгорячённые дамы, ещё не осознавшие, что произошло, схватили кавалеров и попытались превратить этот реквием в страстное танго, иногда, впрочем, сбиваясь на чечётку. Потом мы врезали танец с саблями из балета «Гаянэ» — советского композитора Арама Хачатуряна. Кавалеры растерянно смотрели на дам, дамы — на кавалеров. Когда же Олег запел «Враги сожгли...», к позеленевшей от гнева хозяйке подрулила моложавая тётка жениха: «Да что ж они тут вытворяют? Что ж они только устраивают? — По заплаканным щекам тётки струилась тушь. — Мы... каждый божий день... по восемь часов... у станка... на производстве... А эти гниды... тут... над нами... из-мыи-ва-аюут-ся!».

«Измываются?» — осторожно переспросила гусыня.

«Измываются!» — продолжала стоять на своём тётка.

«И пусть! Пусть себе измываются, — отвечала хозяйка, — а денег им я всё равно не дам».

Тётка стрельнула сигаретку у паренька в синем свитере и резко устремилась на выход.

К эстраде подвалил рыжий парняга в серой тройке, с красной лентой через плечо. «Нет тебя прекрасней, — негромко поинтересовался он, — играете?»

«Мы играем всё, ты только скомандуй», — боясь спугнуть удачу, отвечал ему Санёк.

«Сколько?» — поинтересовался рыжий.

«Пять рублей денег», — вздохнув, сообщил барабанщик.

«А это не много?» — усомнился парняга.

«Не много. Водка тоже теперь по пять», — осторожно заметил Санёк.

И тогда Свидетель скомандовал: он разжал кулак с помятым трёшником, добавил ещё два целковых и протянул Саньку.

Здесь следует заметить, что пару месяцев назад мы перешли с троичной системы счисления на пятеричную. То есть заказать нам песню стоило уже пятёрку.

Принесённые бабки тут же перекочевали в длинные музыкальные пальцы барабанщика, оттуда — в жестяную банку из-под кофе, служащую оркестровой казной. Санёк преобразился. Он подмигнул гусине, сделал глубокую затыжку и, трубно отрывнув в микрофон, обдал его сизым, преловатым дымком. Динамики разнесли по залу дежурную Санину заморочку:

«Дорогие гости! А сейчас по просьбе свидетеля молодых Юры ансамбль приглашает всех дружно подрыгать конечностями, короче, потанцевать». И продолжил: «Звучит танец. Для молодёжи. Девятнадцатого века. До нашей эры! Шуточная песня: “Для меня нет тебя прекрасней”».

Несколько парней призывного возраста понимающе переглянулись. Публика любила шутки Санька. Мы заиграли. Олег спел. Несколько юных дам поаплодировали. Свидетель показал большой палец — правда, издалека. Было ясно: больше он не подойдёт.

Олег принялся долго и нудно настраивать гитару. Поднимался ропот. Я сделал вид, будто недоволен звучанием саксофона, и начал методично гонять октавные интервалы.

Это был полный облом.

«Хлопцы, а про коней вы, часом, не играете?» — к эстраде подошёл кургузый мужичонка с застывшим взглядом и чапаевскими усами, в кителе без погон и в армейских ботинках. Усатый заметно прихрамывал, левая его рука чуть подрагивала.

После нескольких наводящих вопросов удалось выяснить, что «про коней» — это песня «Старый фаэтон», записанная когда-то Вахтангом Кикабидзе. В ней есть слова: «...пыль из-под копыт / вороных моих коней...»

«Давайте, братцы, пожалуйста...», — просил усатый. Он был пьян, но не шибко — как передовик-комбайнёр в разгар уборочной страды.

«Пожалуйста» на хлеб не намажешь, в газетку не завернёшь, домой детям не принесёшь, — прозрочно намекнул Санёк. — Скомандуй, тогда сыграем».

Глаза Чапая блеснули, он лихо вскочил на эстраду, распрямил плечи и что было мочи скомандовал: «А-аркестр! Ка-аней!» (карету мне, карету...)

...«Кровь, пот и слёзы».

Групповая истерика.

Братская могила.

За такую потеху можно было бы и сыграть...

Давящийся от смеха Санёк стал объяснять Чапаю, что скомандовать — означает заказать. Другими словами — дать нам «пять рублей денег».

«Пять?! Рублей?! Денег?! — заорал вдруг Чапай и затрясся ещё сильнее. — А этого, сучара, не хотел? — Он задрал штанину и показал ногу, искорёженную рва-

ными фиолетовыми рубцами. — Такого ты не хотел, падла, я тебя спрашиваю! Да пока вы тут себе хари отъедали, я в Афгане душманов бил! Понял, сука?»

«Шуровские» микрофоны разносили его крик по залу.

Кураж у нас сняло, как рукой.

Володя щёлкнул тумблером. Динамики оглушительно цокнули и вырубилась.

Чапай не останавливался. Он продолжал орать, колотя себя кулаками в грудь: «И за таких, как вы, падлы, я сражался? И за таких душман меня чуть не грохнул — из засады под Джелалабадом?! И за таких у меня, сучара, вторая степень контузии?! Из-за таких, как вы, остались на минном поле тридцать семь лучших моих дружбанов?! Генка Покормяхо! Ванька Дубинин! Сашка Рукас! Яшка Погребец! Женька Селевко! Валерка Дементьев! Вовка Николенко! Толька Лапцун! Шурка Зелинский!»...

Смолк застольный гомон. Внимание зала переключилось на нас.

Гусыня переливала в бутылки самогон из алюминиевого чайника. Лейки у гусыни не было, часть напитка текла мимо.

«Молодец, Степан! — слова её были обращены к нам. — Это вам не кто-нибудь. Это воин-интернационалист. Инвалид, между прочим. Дай им, Стёпа, по мозгам так, чтоб мало не показалось! Отбей охоту — раз и навсегда — залазить в чужой карман!» — радостно провозгласила она.

...«Мишка Скрипка! Тимур Чихоев! Петька Вовк! Славка Ковалёв! Ромка Кальницкий! Витька Пахомов! Серёжка Мовчан! Мишка Трицкий! Венька Сотник!»...

Чапай всё кричал. Это был конец всему. Лицо Санька покрылось коричневыми пятнами. Он стоял, опустив руки и втянув голову в плечи. Я мечтал провалиться сквозь землю.

И вдруг раздался негромкий голос Олега:

«Послушай, брат!

Не мы посылали тебя на минное поле.

Не мы стреляли в тебя из засады.

Мы здесь — ни при чём.

Мы — люди третьи.

Я хочу, чтобы ты это понял».

Как гром среди ясного неба: мы — люди третьи!

Не кто-нибудь, а именно мы, живущие в советской стране, дышащие её воздухом, обласканные её теплом, едящие её хлеб, строящие БАМ и поддерживающие демократические режимы в братских странах, — и вдруг люди третьи!

Я испугался. Оттого, что понял: Олег прав.

Он сказал это не сейчас, а тогда — в начале восьмидесятых.

— Ты по гражданской профессии, вообще, кто? — продолжил Олег беседу с Чапаем.

— Вообще? — переспросил тот.

— Да, вообще. Именно вообще. Меня интересует, кто ты, вообще, по специальности, — перефразировал Олег свой вопрос.

— Слесарь... по газу, — был ответ ошарашенного Чапая.

— И работал, наверно, в Харгазе? Или где-нибудь в ЖЭКе?

— В Харгазе... Сейчас в артели...

«Пойми меня правильно, брат — продолжил Олег начатый монолог. — Моя мама вот уже двадцать пять лет хирург. Сейчас она режет раненых солдат в госпитале под номером три, на Шатиловке. Она спасает их жизни, не покладая своих золотых хирургических рук. У неё по шесть тяжелейших операций в день. Ампутации, осколочные ранения... Она штопает таких, как ты, сотнями и никакого навару, кроме жуткой головной боли по ночам, от этого не имеет. Она падает с ног прямо в операционной. Теперь представь себе на минуточку: у моей бедной мамы в ванной, к примеру, из-за пустяшной резиновой прокладки потекла газовая колонка...»

Чапай растерянно моргал.

«И ещё, — продолжал Олег. — Опять-таки... Попробуй себе представить. На войну тебя пока ещё не загребли, ты пока ещё не ранен, и пока ещё (Олег старательно подчёркивал «пока ещё») работаешь в Харгазе. И по вызову к моей маме присылают тебя. Именно тебя. Теперь ответь: ты поменял бы ей эту вшивую прокладку за красивые глаза? Или начал бы отравлять ей жизнь разговорами, что у тебя такой прокладки нет, и это страшный дефицит? И чтоб её достать, тебе нужно от моей мамы пять рублей денег?»

Чапай молчал.

Олег продолжал: «Пойми, мы пришли сюда не для того, чтобы портить вам настроение. Просто дома нас ждут дети, которые не ложатся спать. Дети ждут: что же принесёт в клюве отец?»

Чапай с шумом вздохнул, отвернулся и, прихрамывая, направился к выходу.

Олег был моим приятелем. Я знал: его мать умерла два года назад. Работала она учительницей музыки.

Мы запели «И на Марсе будут яблони цвести». Гусыня затеяла игру в платочек. Башлей нам было не видать, как копчёной кильке своих ушей.

Минут через двадцать Чапай появился снова — с пятью рублями в дрожащей клешне: «Вот... Командую... Про коней...».

Санёк принял у него бабки, мы сыграли вступление. Олег запел, перебирая струны своего самопального стратакастера:

«...Старый фаэтон
Для меня хранит
Память тех далёких дней:
Фаэтон лихой,
Пыль из-под копыт
Вороных моих коней...»

Публика вывалила на танцевальную площадку и пустилась, парами, вскачь.

«...Ах, подружка нежная,
Потерял надежду я...»

Андрюша лупил по дизелам и бекарам своей старенькой «Вирмоны» так, что, казалось, из неё сейчас посыплется опилки.

«...Как же ты средь бела дня
Упорхнула от меня?..»

Чапай сиротливо сидел в конце свадебного стола — прямо напротив нас — и кивал в такт музыке. По щеке Чапая катилась скупая мужская слеза крупного помоло.

Он встал из-за стола, засунул руки в карманы брюк и начал с пристрастием ощупывать свои ноги. Затем выудил из кармана сморщенный бычок и вышел в предбанник.

Да не оскудеет рука дающего, да не отсохнет рука берущего!

В этом отделении он заказал нам «Фаэтон» ещё четыре раза.

Потом опять был стол. Подавали свиные рёбрышки с капустой. Андрюша разжился на кухне пузырьём самогона. Мы накатили по сотне капель и уговорили целое блюдо капусты. Чапай снова ненадолго исчез.

В следующем отделении он принёс ещё пять раз по пятёрке. В общей сложности за «Фаэтон» он уже выкатил полтинник — ровно столько, сколько обычно платили нам хозяева за целый вечер.

Потом у них был сладкий стол и кофе глясе.

Мы начали последнее отделение.

Он подошёл к нам — уже в куртке: «Ну... мне... пора...». Чапай был пьян в стельку, вывалившуюся из ботинка ужавшегося в дымину сапожника. Протянул три пятьдесят: «Давайте ещё раз... на прощание... про коней!».

Мы не стали мелочиться из-за полутора рублей и сыграли ему коротенько — без проигрыша и последнего куплета.

Чапай сидел рядом с эстрадой и рыдал. Когда мы закончили, он встал и, с тупейшей мордой, начал выворачивать карманы. На пол выпала коробка спичек, расчёска, удостоверение инвалида.

Не найдя денег, Чапай заканючил: «Ну всё, хлопцы. Больше нету. Прошу вас... последний раз! Самый... последний... и уйду!».

«Без бабок оркестр не играет», — бесстрастно возразил восставший из пепла Санёк.

«Хлопцы, я ж вам... всё... отдал, — растерялся Чапай. — Очень... прошу!».

Стоп, читатель!

Мы подошли к главному.

Как поступил бы в такой ситуации любой из нас? То есть в ситуации заведомо бесперспективной — когда бабки нам и не светили?

Позже мы провели «конвульсион».

На конвульсионе выяснилось следующее.

Ожидающий повестки Чуйко сыграл бы.

Санёк, Мушник и я — не сыграли бы. Сыграешь разок нашару — потом не отцепится.

Точно так же, как и Андрюша, — я, Мушник и Санёк, в результате, ни копы не поймали бы.

Так или иначе — речь о каком-либо наваре не шла.

Но тут снова вмешался Олег.

На растерянное чапаевское «у меня больше нет» Олег ответил:

«Говоришь, нет? А мы тебе сдачи дадим».

У мужичонки глаза — на лоб:

— Да?

И задирает тут наш Чапай рубашонку, лезет рукой куда-то очень глубоко (скорей всего, в трусы) и достаёт аккуратно сложенную двадцатипятирублёвку.

Олег ему — как положено, двадцать колов сдачи, его же пятёрками. Сыграли. Он опять просит. Короче, минут за пятнадцать спускает он ещё один четвертак. Потом ещё три раза по четвертаку. Свадьба уже разошлась, нам посудомойки розетку отключают — им по домам пора, так мы ему без микрофонов, без аппаратуры:

«...Старый фазетон
Для меня хранит
Память тех далёких дней...»

Короче, после того, как Олег сказал ему про сдачу, Чапай оставил нам ещё полторы сотни. Таких бабок мы больше ни на одной свадьбе не видали.

Под конец пожал он нам руки — и свалил.

В тот вечер я понял, что значит — быть настоящим политиком...